

ИНТЕР-энциклопедия качественных методов

DOI: 10.19181/inter.2025.17.3.5

EDN: CROIPV

Дневниковый метод в социологии¹

Ссылка для цитирования:

Моисеева А. А., Рождественская Е. Ю. Дневниковый метод в социологии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 3. С. 96–111. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.3.5>
EDN: CROIPV

For citation:

Moiseeva A. A., Rozhdestvenskaya E. Yu. (2025) Diary Method in Sociology. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 3. P. 96–111. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.3.5>

Моисеева Анастасия Алексеевна

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия

E-mail: mn_0911@mail.ru

Рождественская Елена Юрьевна

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»;

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: erozhdestvenskaya@hse.ru

Статья представляет дневниковый метод как актуальный инструмент качественного социологического исследования. Анализируются его теоретические основания, ключевые характеристики (регулярность, личностный характер, синхронность), эволюция от личных записей к научному инструменту, а также основные типы (незапрашиваемые и запрашиваемые дневники). Подробнее рассматриваются методологические аспекты применения запрашиваемых дневников: вариативность (временные/событийные,

¹ Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

структурированность, носители), преимущества (близость к повседневному опыту, снижение ретроспективных искажений, доступ к рутинным практикам, адаптивность), ключевые вызовы (нагрузка на респондента, важность инструкций, этичность). Особое внимание уделяется дневникам времени как адекватному инструменту изучения временных затрат респондентов, например, родительского времени. В качестве иллюстрации комплексной стратегии использования дневникового метода в статье представлен проект ресоциализации матерей после декретного отпуска, сочетающий адаптированный цифровой дневник времени (через Telegram-бот) с нарративным и дневниковым интервью.

Ключевые слова: дневниковый метод; запрашиваемые дневники; дневники времени; родительское время; материнство

Введение

История дневников восходит к традиции «людей делать повторяющиеся, случайные и обычно личные записи о собственном опыте, наблюдениях, отношениях и истинных чувствах» [Iida et al., 2012: 277]. Потребность производить такие записи возникла только около семнадцатого века и затем начала быстро развиваться под влиянием различных социоэкономических изменений, таких как развитие печатного дела, промышленная революция, распространение образования и грамотности, рост среднего класса [Huys, 2018]. Но изначально дневниковая практика была занятием привилегированным: человек не может писать, если у него нет средств, времени, чувства безопасности и уверенности в своей грамотности.

Оставляя дневниковое наследие, известные в науке и культуре, люди привлекают дополнительное внимание к своей личности и контексту деятельности. Получили широкое публичное признание филологов, историков, антропологов и прочих «Дневник Анны Франк», «Дневник писательницы» Вирджинии Вульф, «Блокадный дневник» Тани Савичевой, «Запретный дневник» Ольги Берггольц, дневник «Окаянные дни» Ивана Бунина, дневники 1910–1923 гг. Франца Кафки, «Дневник одного гения» Сальвадора Дали, дневники 1905–1947 гг. Михаила Пришвина, «Дневник» Юрия Нагибина, «Дневники» Джорджа Оруэлла, «Московский дневник» Вальтера Беньямина, «Сознание, прикованное к плоти: Дневники и записные книжки 1964–1980 гг.» Сьюзан Зонтаг, «Дневники» Энди Уорхола...

Дневник как культурный феномен подходит под определение общего зонтичного термина «эго-документы», то есть различные письменные свидетельства с выражено личностным характером [Деккер, Баггерман, 2019]. Сюда включают личные дневники, переписку, мемуары, автобиографии и другие свидетельства. Отличие дневника от других эго-документов — в его способности регулярно фиксировать интересующие нас явления в контексте окружающей действительности и в их временной протяженности. В сравнении

с ретроспективными формами (истории жизни, автобиографии), записи в дневнике создаются в момент актуального переживания «постоянно меняющегося настоящего» [Plummer, 2001: 48], а не постфактум. Энди Алашевски [Alaszewski, 2006], рассуждая об эволюции дневников, выделил определяющие их черты:

- 1) *регулярность*: дневник организован вокруг последовательности регулярных и датированных записей за определенный период времени;
- 2) *личный характер*: записи делает идентифицируемое лицо, которое контролирует доступ к дневнику во время его создания;
- 3) *синхронность*: записи делаются в то же самое время или достаточно близко ко времени, когда произошли события или действия, чтобы запись не была искажена особенностями воспоминания;
- 4) *фиксация*: записи фиксируют то, что человек считает *важным и уместным*, и могут включать события, действия, взаимодействия, мысли, впечатления и чувства [Alaszewski, 2006: 2].

В зависимости от мотивов автора дневника последний может принимать различные жанровые формы [Михеев, 2006], среди которых прежде всего — дневник-хроника в его классическом понимании, то есть личные записи автора, наблюдающего как бы со стороны и отмечающего разные события как одинаково важные. Дневник-фиксация имеет прикладной характер, чаще связанный с профессиональными интересами. Наконец, рефлексивный дневник представляет собой нерегулярные записи, поводом для которых обычно становятся особо значимые события. В то время как одни люди документируют свою повседневную жизнь исключительно для личных воспоминаний, для других эта практика носит изначально публичный характер.

Переходя от видов дневников к способам их изучения, следует обозначить их преимущество как источников личного происхождения: дневники открывают доступ к рассмотрению событий и переживаний в их естественном, спонтанном контексте, предоставляя скрытую информацию, дополняющую ту, которую можно получить с помощью более традиционных подходов. С помощью дневникового метода, например, появляется возможность проникнуть в повседневные рутинные практики респондентов, относительно которых часто трудно добиться рефлексии во время интервью [Kenten, 2010]. Другим преимуществом является снижение возможного влияния ретроспекции, что достигается путем минимизации количества времени, прошедшего между опытом и отчетом об этом опыте [Bolger et al., 2003; Unterhitzenberger, Lawrence, 2022]. Также стоит отметить, что дневниковый метод — очень гибкий и универсальный инструмент, что открывает возможность его использования в сочетании с другими методами.

Что касается общих диспозиций дневниковых исследований, то в них дневник понимается как форма высказывания, чаще повествовательная, которая изначально укоренена в естественном языке [Kenten, 2010] и является социализированной формой выражения себя [Svačinová, 2022]. Это дает нам возможность говорить о большей власти респондента над материалом исследования, что порождает специфический исследовательский процесс, в котором информанты участвуют и в регистрации собственных действий,

и в размышлении над ними [Bartlett, Milligan, 2015]. В рамках феминистской исследовательской традиции подчеркивается, что такая партиципаторность и поддерживаемая субъектность открывают перспективу более чутких отношений между исследователем и участниками [McCombie et al., 2024].

Что касается истории научного анализа дневников, то он довольно быстро через запрос дневниковых методик стандартизации повседневности вписался в постпозитивистский подход, поскольку обещал относительно объективный формат изложения субъективного опыта [Hyers, 2018]. По мере развития методологической рефлексии в социальных науках анализ дневников как метод был подвергнут критике ввиду сомнения в том, что возможно объективное наблюдение за самим собой [Hyers, 2018]. Новый виток в практике дневникового метода возник после нарративного поворота в социальных науках, который позволил реактуализировать дневники в качестве повествовательных материалов для анализа и возродил ценность интроспекции [Hyers, 2018].

Лаури Хайерс отмечает, что современные тенденции в популярной культуре и дискурсе социальных и гуманитарных наук созвучны перспективам дневниковых исследований [Hyers, 2018]. Мы живем в эпоху «мгновенных снимков», где цифровые технологии и социальные сети породили взрыв интереса к текущему моменту, живому человеку и его повседневной жизни. Об этом новом технологически поддерживаемом фокусе свидетельствует популярность документирования наших мыслей, поведения и социальных связей. Электронные записи в социальных сетях и беспроводные устройства для отслеживания образа жизни породили цифровой нарциссизм и виртуальное «я» [Tanner et al., 2013]. Закрытый личный дневник как интимный друг, которому поверяли мысли и переживания, заменяется приветствуемым вторжением других, что становится культурной нормой.

Отдельным сюжетом, стимулирующим обращение к запрашиваемым дневникам, являются социальные вызовы, например, пандемия COVID-19. Параллельно в различных национальных контекстах были инициированы цифровые дневниковые проекты для документации уникального опыта изоляции (яркий пример этого — проект PubliCo в Швейцарии [Kaiser-Grolimund et al., 2024]).

Наконец, требования к методу дневников в науке стали строже, чем раньше, поскольку теперь появляется возможность исследовать микрофеномены, время реакции с точностью до миллисекунды. Спрос на доказательность, строгие процедуры и замеры данных позволяют минимизировать когнитивные искажения, в том числе преодолевать искажения памяти. Удивительно, но Лаури Хайерс добавляет к этим приметам времени в дневниковых записях еще один аспект, со ссылкой на Аллена Х. Орра, — контркультурное сопротивление как тенденцию «медленного знания» [Orr, 2002], что означает желание отступить назад, «переключить скорость», стать более созерцательным в эпистемологическом смысле. Старый добрый дневник может казаться желанным, если не ностальгическим средством для более целостного понимания себя и других.

Методологическая вариативность дневникового метода в социологии

Основным критерием классификации внутри дневникового метода является источник анализируемых данных. Так, дневники подразделяются на два основных типа: незапрашиваемые (unsolicited) и запрашиваемые (solicited). В социальных науках чаще используются последние, но сначала кратко опишем суть обоих.

Незапрашиваемые дневники создаются людьми без внешнего запроса или требования со стороны исследователя. Они часто применяются в исторических исследованиях, где служат своеобразной капсулой времени [Kaiser-Grolimund et al., 2024], преимущественно для их изучения используются качественные методы анализа в силу маленьких выборок. Стоит также отметить появление переходных форм — онлайн-блогов, которые возродили традиционную форму ведения дневника, что вновь актуализировало незапрашиваемые дневники как источник данных для социальных наук, хотя остается дискуссионным вопрос о степени их приватности в отличие от традиционного формата [Kaiser-Grolimund et al., 2024].

Что касается запрашиваемых дневников, они создаются специально для научных целей по специальным инструкциям исследователей. Запрашиваемые дневники позволяют получить более сфокусированные данные, под конкретные нужды исследователей [Kaiser-Grolimund et al., 2024; Kenten, 2010]. Для их анализа используются как качественные, так и количественные методы, это зависит от степени их структурированности и размера выборки. Конечно, запрашиваемые дневники написаны для аудитории/исследователя, что поднимает вопрос самоцензуры со стороны автора дневника. Помимо этого, формат дневника, предоставляющий больше времени для осмысления событий, может провоцировать не меньшую, а зачастую и большую самоцензуру, чем автобиографический рассказ в условиях интервью, где времени на размышления меньше. Кроме того, важно отметить, что запрашиваемые дневники можно считать результатом работы не только автора, но и исследователя, так как они создаются, следуя его конкретным структурированным запросам [Kenten, 2010].

Далее обсудим вариативные элементы внутри запрашиваемых дневников. Ключевым элементом здесь становятся временные аспекты [Iida et al., 2012], такие как: продолжительность сбора данных (например, 9 недель или 2 дня), частота ответов (например, каждые 10 минут) и длина записей (например, заполнение опросника может занимать по времени 10 минут или один час). Каждый из этих вопросов исследователю нужно решать заранее самостоятельно, варьируя как степень нагрузки на респондента, так и соотношение качества и количества получаемого материала [Herron et al., 2019].

Другим значимым элементом вариативности становятся критерии, по которым респонденты начинают (и продолжают) заполнение дневника [Iida et al., 2012; Bolger et al., 2003; Bartlett, Milligan, 2015]:

1. Временной (time-based) дневник — это формат, при котором участники сообщают о своем опыте в заранее обговоренные временные

интервалы. Он может включать фиксированные промежутки или более сложные временные схемы, как с подсказками, так и без них. Например, участники могут записывать свой опыт в конце дня или несколько раз за день фиксировать свою деятельность за каждые 10 минут, как это часто происходит в случае дневников времени.

2. Событийный (event-based) дневник предполагает, что участники сообщают о своем опыте каждый раз, когда происходит определенное событие или наступает некоторый момент. Например, это может быть разговор с кем-то дольше 10 минут [Wheeler et al., 1983].
3. Также возможно использование дополнительных технических устройств. Например, устройства для замера пульса могут быть использованы в сочетании с опросами о стрессе [Iida et al., 2012], или участники могут получать специальные электронные письма в качестве напоминания [Rönkä et al., 2010]. Вариацией можно считать и метод выборки переживаний (ESM) [Csikszentmihalyi, Larson, 1987], где респонденту выдается сигнальное устройство, которое им сообщает о необходимости заполнить в какой-либо момент дневник.

Естественно, возможны и различные формы комбинаций этих трех основных форматов.

Степень структурированности дневника также является важным аспектом [Unterhitzenberger, Lawrence, 2022]. Дневники могут различаться по структуре: от строго формализованного количественного опроса, где респондент выбирает предзаданные исследователем действия для выбранного заранее временного интервала, до свободного ответа на открытые вопросы.

Носители дневников тоже могут быть различными. Бумажный вариант является наиболее привычной формой ведения дневника, что может облегчить когнитивную нагрузку на респондента, но в таком случае могут возникнуть проблемы с сохранением анонимности и передачей записей исследователю. В этом случае также довольно трудно проследить за правильностью понимания инструкций и качеством их выполнения со стороны респондента [Iida et al., 2012]. Эти сложности частично разрешаются в случае использования технологических форм дневников (с помощью телефонов, компьютеров и т. д.), которые сейчас наиболее распространены [Rönkä et al., 2010]. Помимо этого, довольно популярными становятся визуальные дневники и аудио-/видеозаписи, которые могут углубить наше понимание опыта респондентов за счет расширения модусов повествования, а также восполнить недостаток грамотности или проблемы с памятью у некоторых групп (например, детей) [Bartlett, Milligan, 2015]. Это особенно важно иметь в виду, учитывая, что текстовые дневники комфортны прежде всего для тех индивидов, которые с большей компетентностью используют письменную коммуникацию [Herron et al., 2019].

Ведение дневника может быть использовано в сочетании с другими, дополнительными методами для получения более полной информации [Unterhitzenberger, Lawrence, 2022; Bartlett, Milligan, 2015]. Наиболее распространенным форматом совмещения является метод «дневник — интервью» (the diary-interview method) [Bartlett, Milligan, 2015], который был впервые предложен Циммерманом

и Вайдером в 1977 году. Как следует из названия, этот метод сочетает два ключевых элемента: ведение дневника (в котором респонденты записывают свои действия, мысли или наблюдения, потенциально интересные для исследователя) и последующее интервью, подробное и зондирующее, в котором исследователь задает заранее подготовленные на основе дневника вопросы, чтобы уточнить и контекстуализировать записи [Zimmerman, Weider, 1977].

Могут быть реализованы и другие конфигурации, например, интервью может проводиться до заполнения дневника (для установления доверительных отношений между исследователем и респондентом, подробного объяснения инструкции и обозначения предварительной информации о респонденте), и сразу после [Unterhitzenberger, Lawrence, 2022]. Сочетание дневника и последующего интервью снижает вероятность аналитически неверной интерпретации. Для тех участников, которым было некомфортно писать в стиле дневника, интервью о дневнике позволяет убедиться в том, что опыт, который им, возможно, было трудно передать посредством письменного слова, включен.

Несмотря на методологические преимущества дневникового метода, есть ряд вопросов, требующих осмысления исследователя. Во-первых, возникает необходимость составления подробных и однозначных инструкций для респондентов в силу того, что этот метод в большей степени саморегистрируемый. Строгие инструкции приводят к более сфокусированному материалу, потенциально более ценному для исследователя, но не стоит забывать, что респонденты могут подстраивать свой нарратив под озвученные требования, что может значительно повлиять на аутентичность данных. Поэтому важно, чтобы инструкции были четкими и понятными, но не слишком ограничивающими [Unterhitzenberger, Lawrence, 2022]. В связи с этим особенно актуализируется задача проведения предварительного пилотажного исследования, которое поможет обнаружить неясности в формулировках, а также в целом проверить адекватность нагрузки на респондента [DeLongis et al., 1992].

Поскольку заполнение дневника характеризуется высокой степенью нагрузки на респондента в сравнении с другими методами [Unterhitzenberger, Lawrence, 2022], необходимо заранее решить, как впоследствии работать с не полностью заполненными дневниками, а также как обрабатывать дневники с разной степенью вовлеченности, рефлексивности, интимности и с разной протяженностью. Важно учитывать, что до сих пор недостаточно известно о влиянии различных социальных, личностных и психологических характеристик на процесс заполнения дневника [Bolger et al., 2003]. Дополнительно часто разрабатываются техники для поддержания внимания и вовлеченности респондентов, при которых допускается материальная или нематериальная мотивация [Unterhitzenberger, Lawrence, 2022]. В этом ключе постоянная возможность личного контакта с исследователем помогает установлению доверия и, соответственно, поддержанию мотивации, а также предоставляет дополнительные возможности наблюдения за производством дневникового материала [Herron et al., 2019].

Также существует ряд сложных этических вопросов, например, заполнение дневника может повысить рефлексивность респондентов по отношению

к теме исследования. В некоторых случаях ведение дневника может иметь терапевтический эффект относительно прожитых событий или помочь респондентам осознать позитивные стороны своей повседневности [DeLongis et al., 1992; Unterhitzenger, Lawrence, 2022]. Однако, данный опыт также может ретравматизировать — напомнить респондентам о негативных аспектах их жизни, указав на ее рутинность и негативные эмоции [Bartlett, Milligan, 2015].

Помимо этого, многие респонденты могут столкнуться с трудностями в процессе нарративизации из-за страха перед чистым листом или в целом недостаточностью опыта написания текстов [Renten et al., 2010; Bartlett, Milligan, 2015]. Полностью избавиться от этого давления невозможно, поскольку оно становится следствием того, что мы ищем в дневниках: вовлеченности и большей власти респондента над материалом. В качестве решения можно предложить использовать дополнительные формы повествования (например, аудио- или видеодневники).

Пример использования дневникового метода: ресоциализация матерей после декретного отпуска

В качестве иллюстрации возможностей дневникового метода, рассмотренных в обзоре, мы представляем стратегию анализа одного варианта запрашиваемого дневника в методологическом дизайне исследования темпоральности повседневности матерей, возвращающихся на работу после декретного отпуска². В фокусе интереса — конструирование новых практик и стратегий ресоциализации, перестройка идентичности в контексте распоряжения временем.

Кратко обозначая исходную проблемную ситуацию, отметим, что рождение ребенка и возвращение на работу после длительного декретного отпуска являются центральными моментами напряжения для женщин, прервавших свою трудовую биографию [Ladge, Greenberg, 2015]. В этой ситуации происходит значительная перестройка материнской идентичности. При этом на матерей возлагается основная ответственность за поиск баланса между работой, семьей и материнством [Кравченко, Мотеюнайте, 2008]. Для объективированного изучения повседневных практик работающих матерей дневниковый метод представляется наиболее оптимальным. Он позволяет избежать искажений ретроспекции и зафиксировать, как именно структурируется их день и перераспределяются временные обязательства. Существуют противоречивые данные о влиянии материнской занятости на перераспределение родительского времени [Zick, Bryant, 1996], что подчеркивает актуальность применения именно такого подхода. Разумеется, мы также запланировали нарративизацию/комментарий к зафиксированным затратам времени наших респонденток.

Для эмпирического изучения этих процессов ресоциализации, связанных с перестройкой идентичности и перераспределением временных обязательств,

² В принципе, здесь мог бы быть приведен любой исследовательский сюжет, связанный с актуально разворачиваемой темпоральностью социального опыта любого действующего субъекта.

требуется точная оценка бюджетов времени. Традиционно оценка родительских временных затрат осуществляется тремя основными способами: прямым наблюдением, стилизованными опросниками и дневниками времени [Monna, Gauthier, 2008]. Среди них дневниковый метод, требующий детальной фиксации всей деятельности за 24 часа с заданными интервалами (например, 10 минут) [Robinson, 2002], признается исследователями оптимальным. Его преимущества состоят в снижении влияния социальной желательности за счет фокусировки на последовательности записей относительно своей деятельности [Robinson, 2002], а также за счет реализации принципа «нулевой суммы» времени. К тому же дневниковый метод дает лучшее соотношение точности данных и стоимости сбора по сравнению с другими методами [Fedick et al., 2005]. В отличие от стилизованных опросников, склонных давать завышенные оценки [Sayer et al., 2004], он обеспечивает сопоставимость всех видов деятельности, так как учет полных 24 часов позволяет видеть их функциональную эквивалентность [Robinson, 2002].

Родительский труд сочетает физическую и ментальную активность [Mullan, 2006] и включает три компонента: деятельность (конкретные действия по заботе о ребенке), ответственность (постоянное беспокойство о благополучии ребенка) и ограничение (выбор между другими видами деятельности и заботой о ребенке, которую часто нужно приоритизировать) [Budig, Folbre, 2004]. Инструмент дневников времени практически не имеет возможности уловить два последних аспекта [Mullan, 2006], поэтому, дополняя дневники с помощью интервью, у нас появляется возможность увидеть родительский труд более объемно. Такой подход сочетает преимущества качественной методологии (реконструкция практик, восприятий и смыслов) с фокусом на бюджетах времени матерей. Мы адаптировали дневники времени (стандартно применяемые в больших статистических обследованиях) и дополнили их интервью. Далее описан каждый этап исследования.

1. Скрининговая анкета

Для обеспечения контекста интерпретации дневников времени и последующего нарративного интервью респонденты заполняют в Telegram-боте предварительную анкету, основанную на ключевых биографических точках, связанных с выходом из декретного отпуска.

2. Дневник времени

Респондентки заполняют два дневника времени: один относительно буднего дня, другой — выходного, поскольку распределение времени обычно сильно различается в зависимости от дня недели. День недели выбирается для каждой респондентки индивидуально, чтобы избежать искажений (например, заполнение дневника в менее загруженный день). Дневник заполняется через специально разработанный интерактивный Telegram-бот. Такой формат выбран для того, чтобы облегчить участницам исследования процедуру заполнения, интегрировав ее в привычную рутину. К тому же он предоставляет возможности для большей вариативности методологического дизайна.

Заполнение дневника в электронном формате может стать дополнительной трудностью для определенных групп людей (например, для пожилых), но поскольку наш объект — молодые женщины, это кажется преимуществом.

Ключевую роль в обеспечении качества данных играет интерактивная инструкция. Она разбита на несколько блоков с обязательным подтверждением ее понимания для сохранения когнитивной включенности респондента. Инструкция разъясняет стандарты ввода данных, правила гибкого выбора дней для заполнения дневника, содержит систему персонализированных напоминаний, также в ней приведены примеры. Для быстрого ознакомления у респондентов есть также краткая версия инструкции.

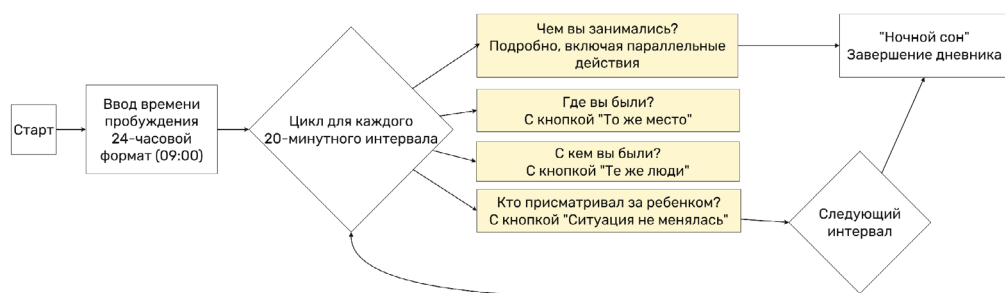

Рисунок 1. Алгоритм дневника времени

Наш дневник времени — полуструктурированный: женщины заполняют информацию о своей активности с момента пробуждения до момента отхода ко сну. Его алгоритм кратко визуализирован на рисунке 1. Дневник заполняется своими словами, а не с помощью выбора из уже predetermined списка действий, что дает большую свободу для концептуализации своего времени, в чем мы особенно заинтересованы в контексте родительского труда. Для минимизации ошибок памяти и снижения когнитивной нагрузки бот предлагает заполнять дневник в течение дня в 2–3 захода; дополнительно работает система напоминаний.

После завершения обоих дневников участницам задаются три открытых вопроса (можно ответить текстовым или аудио сообщением): о типичности описанного дня, о рефлексии после ведения дневника, о возможности обратной связи.

3. Интервьюирование

Последующий этап — интервьюирование — состоит из 2 частей: нарративного интервью [Рождественская, 2020] и дневникового интервью [Zimmerman, Weider, 1977; Unterhitzenger, Lawrence, 2022]. Такое разделение обусловлено как эпистемологическими различиями методов, так и необходимостью снизить временную нагрузку на участниц.

Гайд для нарративного интервью представляет собой хронологически и тематически структурированный инструмент, охватывающий ключевые

жизненные этапы: биографический бэкграунд, период непосредственно перед рождением ребенка, пребывание в декретном отпуске, выход из декрета и теперешнее положение респондентки. Методологически гайд основан на классической структуре нарративного интервью [Рождественская, 2020]. Каждый блок начинается с открытого вопроса, побуждающего к свободному рассказу о соответствующем периоде без интервенций интервьюера, что позволяет выявить субъективно значимые аспекты опыта и логику построения личной истории, после чего следуют уточняющие вопросы.

Сквозными аналитическими фокусами, пронизывающими все блоки, являются проявления нарративной идентичности (как женщина конструирует и осмысливает свой опыт), доступные ресурсы (внешние — поддержка семьи, партнера, государства, работодателя; внутренние — культурный, социальный капитал, эмоциональное благополучие и прочее) и темпоральные аспекты. Обязательным элементом каждого блока является пункт о распределении времени (описание типичного дня/недели), позволяющий конкретизировать практики совмещения ролей.

Гайд к дневниковому интервью строится на основе анализа уже заполненного участницей дневника времени. Он включает в себя обсуждение необычных или неожиданных записей, детализацию и прояснение записей, которые остались неясными для исследователя, а также выяснение внешнего контекста событий (обстановки, вовлеченных лиц, их действий). Особое внимание уделяется субъективным переживаниям и эмоциям информантки, связанным с описанными в дневнике ситуациями. Завершается интервью получением краткой обратной связи от участницы об ее опыте ведения дневника.

Заключение

Дневниковые исследования открывают уникальный взгляд на феноменологию индивида, фиксирующего «постоянно меняющееся настоящее» [Allport, 1942: 95]. Однако в методической литературе отмечается, что это настоящее сохраняет относительную стабильность во времени, формируя определенную структуру, в которой дневниковые повествования размещаются, конструируются и понимаются [Kenten, 2010]. Сохраняя приверженность качественной парадигме, современный дневниковый метод имеет тенденцию, с одной стороны, совершенствовать доказательные процедуры сбора данных, приближая его к стандарту объективированных данных, с другой стороны, удерживать фокус исследования на феноменологии, ценном субъективном взгляде респондентов. Комбинированное использование дневника с последующим интервью позволяет глубже исследовать смыслы, вкладываемые в социальные действия, контекстуализировать и обсуждать записанное в дневнике, реконструируя субъективно значимые процессы.

Тем не менее по-прежнему важны и востребованы спонтанные повествовательные рефлексивные дневники, которые содержат автобиографические

размышления о жизненном мире автора с точки зрения самого автора (незапрашиваемые дневники). В отличие от них, запрашиваемые дневники заполняются согласно заказу и запросам исследователя, нуждаются в инструктивном сопровождении, а также требуют сопоставимости с данными других дневников на ту же тему (например, при работе с коллекцией дневников), поэтому и появляется нужда в дополнительном нарративе для прояснения субъективных смыслов. При этом коммуникативное сопровождение со стороны исследователя состоит из нескольких интервенций: до заполнения дневника (инструкции, этические разрешительные протоколы), во время заполнения в режиме отслеживания заполнения (онлайн и офлайн), а также постинтервьюирование относительно субъективно понимаемых смыслов.

Различие спонтанных и инициированных исследователем дневников — в глубине понимания и контекстуального прояснения происходящего. С формой дневника возможно экспериментировать, используя мультимедальности текста — рукописный дневник, электронный, визуальный, аудиодневник или их комбинации. С точки зрения содержания дневник — это захват широкого спектра событий, практик и переживаний, ценность при их описании в данном случае состоит в субъективности первичной инстанции, в личности автора или владельца дневника, обладающего «силой непосредственного личного свидетеля» [Hyers, 2018: 27]. Как автор дневника, он обладает чувствительностью к определенной теме и темпоральной вовлеченностью в нее в течение длительного периода времени, что делает дневниковые наблюдения ценными, демонстрируя меру субъективной переработки событий. Другая важная особенность дневников, используемых в исследовании, — «плотные описания», по К. Гирцу, как погружение событий и опыта в более широкий социально-культурный контекст, что обеспечивает контекстуализацию данных.

В то же время дневники, в первую очередь, спонтанные, как потенциальный материал для анализа имеют ограничения. К ним можно отнести незавершенность, обрывочность, необходимость дискурсивной обработки, плавающую документальность, ограничение референтной группой, необходимость принятия во внимание субъективной позиции, непроясненность контекстных данных. И все же дневниковый метод привносит теоретическую и методологическую гибкость при решении исследовательских задач и генерировании новых идей, что позволяет преодолевать потенциальную предвзятость ретроспекции, часто встречающуюся в традиционных качественных методах, таких как интервью.

Литература / References

- Артемьев В. А., Новохацкая О. В. Эмпирические исследования затрат времени в СССР (1920–1930-е гг.) // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 92–194. EDN: IQFQNB
- Artemov V. A., Novokhatskaya O. V. (2008) Empirical Studies of time Expenditures in the USSR, 1920–1930th. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4. P. 92–194. (In Russ.)

Деккер Р., Баггерман А. Жак Прессер и традиция еврейской автобиографии в Нидерландах // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2019. № 2. С. 238–256. EDN: [LXDGJS](#)

Dekker R., Baggerman A. (2019) Jacques Presser and the Tradition of Jewish Autobiography in the Netherlands. *Neprikosnovennyi zasap. Debaty o politike i kulture*. [Untouchable Reserve. Debates on Politics and Culture]. No. 2. P. 238–256. (In Russ.)

Караханова Т. М., Большакова О. А. Бюджет времени рабочих как отражение их реального поведения в повседневной жизни (1965–2014 гг.) // Вестник Института социологии. 2016. Т. 7. № 3. С. 70–96. EDN: [WXBKUX](#) DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2016.18.3.413>

Karakhanova T. M., Bolshakova O. A. (2016) Laborers Time Budget as a Reflection of Their Actual Behavior in Everyday Life. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 7. No. 3. P. 70–96. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2016.18.3.413>

Кравченко Ж. В., Мотеюнайте А. Женщины и мужчины на работе и дома: гендерное разделение труда в России и Швеции // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6. № 2. С. 177–200. EDN: [IUIDIA](#)

Kravchenko Zh. V., Moteyunaite A. (2008) Women and Men in Employment and at Home: Gendered Work Patterns in Russia and Sweden. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoi politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 6. No. 2. P. 177–200. (In Russ.)

Мухеев М. Ю. Дневник в России XIX–XX века — эго-текст или пред-текст. М.: Водолей Publishers, 2006.

Mikheev M. Yu. (2006) *Dnevnik v Rossii XIX–XX veka — ego-tekst ili pred-tekst* [Diary in Russia in the 19–20th Century: Ego-Text or Pre-Text]. Moscow: Vodoley Publishers. (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. ИНТЕР-энциклопедия: нарративное интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 114–127. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.8>

Rozhdestvenskaya E. Yu. (2020) INTER-Encyclopedia: Narrative Interview. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 12. No 4. P. 114–127. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.8>

Alaszewski A. (2006) *Using Diaries for Social Research*. Thousand Oaks; London; New Delhi: Sage. DOI: <https://doi.org/10.4135/9780857020215>

Allport G. (1942) *The Use of Personal Documents in Psychological Science*. New York: Social Science Research Council.

Bartlett R., Milligan C. (2015) *What is Diary Method?* London; New Delhi; New York; Sydney: Bloomsbury Academic.

Bolger N., Davis A., Rafaeli E. (2003) Diary Methods: Capturing Life as It Is Lived. *Annual Review of Psychology*. Vol. 54. P. 579–616. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.54.101601.145030>

Budig M. J., Folbre N. (2004) Activity, Proximity, or Responsibility? Measuring Parental Childcare Time. In: *Family Time: The Social Organization of Care*. New York: Routledge. P. 51–68.

Csikszentmihalyi M., Larson R. (1987) Validity and Reliability of the Experience-Sampling Method. *The Journal of Nervous and Mental Disease*. Vol. 175. No. 9. P. 526–536. DOI: <https://doi.org/10.1097/00005053-198709000-00004>

DeLongis A., Hemphill K. J., Lehman D. R. (1992) A Structured Diary Methodology for the Study of Daily Events. In: *Methodological Issues in Applied Social Psychology. Social Psychological Applications to Social Issues*. Boston: Springer US. P. 83–109. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4899-2308-0_5

Fedick C. B., Pacholok S., Gauthier A. H. (2005) Methodological Issues in the Estimation of Parental Time — Analysis of Measures in a Canadian Time-Use Survey. *Electronic International Journal of Time Use Research*. Vol. 2. No. 1. P. 67–87. DOI: <http://dx.doi.org/10.13085/eIJTUR.2.1.67-87>

Herron R., Rosenberg M.W., Skinner M.W. (2019) Using a Flexible Diary Method Rigorously and Sensitively with Family Carers. *Qualitative Health Research*. Vol. 29. No. 7. P. 1004–1015. DOI: <https://doi.org/10.1177/1049732318816081>

Hyers L.L. (2018) *Diary Methods: Understanding Qualitative Research*. New York: Oxford University Press. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780190256692.001.0001>

Iida M., Shrout P.E., Laurenceau J.-P., Bolger N. (2012) Using Diary Methods in Psychological Research. In: Cooper H. (ed.) *APA Handbook of Research Methods in Psychology, Vol. 1: Foundations, Planning, Measures, and Psychometrics*. Washington: American Psychological Association. P. 277–305. DOI: <https://doi.org/10.1037/13619-016>

Kaiser-Grolimund A., Sahu M., Mollel H., Merten S. (2024) Soliciting Diaries for “Real-Time” Insights Into the COVID-19 Pandemic: Methodological Reflections on Using Digital Technologies to Engage the Public. *International Journal of Public Health*. Vol. 69. P. 1–7. DOI: <https://doi.org/10.3389/ijph.2024.1606912>

Kenten C. (2010) Narrating Oneself: Reflections on the Use of Solicited Diaries with Diary Interviews. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*. Vol. 11. No. 2. P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-11.2.1314>

Ladge J.J., Greenberg D.N. (2015) Becoming a Working Mother: Managing Identity and Efficacy Uncertainties during Resocialization. *Human Resource Management*. Vol. 54. No. 6. P. 977–998. DOI: <https://doi.org/10.1002/hrm.21651>

McCombie C., Dowling S., Larkin M., Begley T. (2024) Qualitative Diary Methods in Mental Health Research. *European Psychologist*. Vol. 29. No. 1. P. 3–16. DOI: <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000511>

Monna B., Gauthier A. H. (2008) A Review of the Literature on the Social and Economic Determinants of Parental Time. *Journal of Family and Economic Issues*. Vol. 29. P. 634–653. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10834-008-9121-z>

Mullan K. (2006) *Quantifying Parental Childcare in the United Kingdom*. Colchester: University of Essex.

Orr D.W. (2002) *The Nature of Design: Ecology, Culture, and Human Intention*. New York: Oxford University Press. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780195148558.001.0001>

Plummer K. (2001) *Documents of Life 2: An Invitation to a Critical Humanism*. London: Sage Publications.

Robinson J.P. (2002) The Time-Diary Method. In: *Time Use Research in the Social Sciences*. Boston: Springer. P. 47–89. DOI: https://doi.org/10.1007/0-306-47155-8_3

Rönkä A., Malinen K., Kinnunen U., Tolvanen A., Lämsä T. (2010) Capturing Daily Family Dynamics via Text Messages: Development of the Mobile Diary. *Community, Work & Family*. Vol. 13. No. 1. P. 5–21. DOI: <https://doi.org/10.1080/13668800902823581>

Sayer L.C., Bianchi S.M., Robinson J.P. (2004) Are Parents Investing Less in Children? Trends in Mothers’ and Fathers’ Time with Children. *American Journal of Sociology*. Vol. 110. No. 1. P. 1–43. DOI: <https://doi.org/10.1086/386270>

Svačinová I. (2022) Characterizing Reflective Diary Writing as an Argumentative Activity Type. *Informal Logic*. Vol. 42. No. 4. P. 705–747. DOI: <https://doi.org/10.22329/il.v42i4.6974>

Tanner C.E., Maher J.M., Fraser S.M. (2013) *Vanity: 21st Century Selves*. London: Palgrave Macmillan. DOI: <https://doi.org/10.1057/9781137308504>

Unterhitzberger C., Lawrence K. (2022) Diary Method in Project Studies. *Project Leadership and Society*. Vol. 3. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.plas.2022.100054>

Wheeler L., Reis H., Nezlek J.B. (1983) Loneliness, Social Interaction, and Sex Roles. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 45. No. 4. P. 943–953. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.45.4.943>

Zick C.D., Bryant W.K. (1996) A New Look at Parents' Time Spent in Child Care: Primary and Secondary Time Use. *Social Science Research*. Vol. 25. No. 3. P. 260–280. DOI: <https://doi.org/10.1006/ssre.1996.0012>

Zimmerman D.H., Wieder D.L. (1977) The Diary: Diary-Interview Method. *Urban Life*. Vol. 5. No. 4. P. 479–498. DOI: <https://doi.org/10.1177/089124167700500406>

Сведения об авторах:

Моисеева Анастасия Алексеевна — магистрант, стажер-исследователь, Центр исследований современного детства, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** mn_0911@mail.ru. **ORCID ID:** 0009-0001-9857-7398.

Рождественская Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры анализа социальных институтов департамента социологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. **E-mail:** erozhdestvenskaya@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 531642; **ORCID ID:** 0000-0001-6874-2404; **ResearcherID:** B-1687-2014.

Статья поступила в редакцию: 04.07.2025

Принята к публикации: 25.08.2025

БАК 5.4.1.

Diary Method in Sociology³

DOI: 10.19181/inter.2025.17.3.5

Anastasiya A. Moiseeva HSE University, Moscow, Russia
E-mail: mn_0911@mail.ru

Elena Yu. Rozhdestvenskaya HSE University; Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia
E-mail: erozhdestvenskaya@hse.ru

The article positions the diary method as a relevant tool for qualitative sociological research. It analyzes its theoretical foundations, key characteristics (regularity, personal nature, and synchronicity), evolution from personal records to a scientific instrument, and main types (unsolicited and solicited diaries). Methodological aspects of applying solicited diaries are examined in detail: their variations (time-based/event-based, degree of structure, media formats), advantages (proximity to lived experience, reduced recall bias, access to routines, flexibility) and challenges (respondent burden, instruction design, ethical considerations). Particular attention is given to time-use diaries as the optimal instrument for studying temporal expenditures, specifically parental time.

³ This research is supported by the Faculty of Social Sciences, HSE University.

As an illustrative application, a comprehensive methodology for studying the resocialization of mothers after maternity leave is proposed. This methodology combines an adapted digital time-use diary (via a Telegram bot) with narrative and diary interviews.

Keywords: diary method; solicited diaries; time-use diaries; parental time; motherhood

Authors Bio:

Anastasiya A. Moiseeva — Master Student, Trainee-Researcher, Centre for Modern Childhood Research, Institute of Education, HSE University, Moscow, Russia.
E-mail: mn_0911@mail.ru. **ORCID ID:** 0009-0001-9857-7398.

Elena Yu. Rozhdestvenskaya — Doctor of Sociology, Professor, Department of Analysis of Social Institutions, School of Sociology, Faculty of Social Sciences, HSE University; Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia. **E-mail:** erozhdestvenskaya@hse.ru. **RSCI Author ID:** 531642; **ORCID ID:** 0000-0001-6874-2404; **ResearcherID:** B-1687-2014.

Received: 04.07.2025
Accepted: 25.08.2025